

его храма), но и нецѣлесообразными. Не тѣ, кто ихъ поставилъ, а тѣ близорукіе и робкіе, кто ихъ вынудилъ поставить, должны были бы понять, что всякое отрицаніе и осужденіе теряетъ свой соблазнъ, если оно претворено въ искусство.

Къ тому же, у Толстого не отрицаніе, а утвержденіе. Его послѣднее слово—добroe слово. Его посмертныя книги проникнуты любовью и вѣрой въ человѣка. Его книги ласковы. Въ нихъ много добра гюмора, умнаго благодушія,—припомните, напримѣръ, записку гимназиста, ея стиль: „Вотъ уже третій разъ я прошу тебя возвратить взятые тобой у меня 6 рублей, но ты отвѣливаешь. Такъ не поступаютъ честные люди. Прошу немедленно прислать съ симъ посланнымъ. Мнѣ самому нужда до зарѣзу. Нежели же ты не можешь достать. Твой, смотря по тому, отдашь ты или не отдашь, презирающій или уважающій тебя товарищъ Грушевскій“... Пусть въ „Фальшивомъ купонѣ“ нарисована злая цѣпь жизни, ея фатальный круговоротъ и неуклонное нарастаніе зла, его обильные всходы; но ясно, что для великаго автора внутренне побѣждаетъ добро, и на конечныхъ звеняхъ жизненной цѣпи въ добро претворяется самое зло. Еще разъ скажемъ: онъ человѣка подвергъ страшному суду, и человѣкъ это испытаніе выдержалъ и вышелъ оправданнымъ. Не то, чтобы мы оказались облаченными въ безукоризненныя свѣтлыя ризы,—нѣтъ, оправданіе не исключаетъ правды. Она у Толстого соблюдена; онъ идеаль-